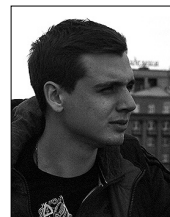

Ritzer G. Enchanting a Disenchanted World: Revolutionizing the Means of Consumption, 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2005.

Spencer H. The Principles of Sociology. Vol. 1. L.: Williams & Norgate, 1893.

БОГДАН ВЛАДИМИРОВИЧ ФАУЛЬ

магистрант факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: faulbogdan@gmail.com

Сравнительный анализ научных проектов Б. Латура и Ж.-Ф. Лиотара

Проводится сравнительный анализ научных проектов Б. Латура и Ж.-Ф. Лиотара. Сравняются позиции авторов как по отношению к современному состоянию науки, так и по отношению к ее судьбе. Косвенно затрагиваются вопросы состояния и судеб общества.

Ключевые слова: нарратив, сеть, общество, Новое время, научный проект, генерализованная симметрия, паралогия, постмодерн.

Б. Латур и Ж.-Ф. Лиотар представляют собой чрезвычайно интересных мыслителей, которые трудились на различных смысловых полях, а возможно, даже и в разных эпохах, несмотря на небольшой временной разрыв между ними. Разница смысловых полей заключается не только в различии понятийных аппаратов, но также и в сфере общей исследовательской проблематики. Латура интересуется разработкой новой методологии с минимальным количеством онтологических допущений, Лиотар описывал то, что называется постмодерном. Но у обоих мыслителей все же есть общее поле анализа — наука. Относительно недавно стало очевидно, что наука существует не отдельно от общества и по каким-то другим законам, а включена в него. Теперь, когда можно взглянуть на процесс получения научного знания с точки зрения социологии/философии, ярчайшие мыслители высказывают свои прогнозы или предпочтения о том, как это знание будет функционировать, какова его роль в обществе и какова его структура.

Латур и Лиотар, можно сказать, являются маркерами своих эпох, в связи с чем проведение сравнительного анализа их теорий является делом интересным и актуальным в связи с недостаточно отрефлексированной ролью этих теоретиков в социологическом пространстве России. Люди очень часто чувствуют, что эти мыслители говорят об одном и том же, но по-разному. Мы не считаем это предположение бесосновательным. Пусть такой взгляд на этих мыслителей сопровождает наши размышления, а мы попытаемся эту интуицию более точно очертить, а также обострить различия между ними. Сравнительный анализ будет проходить по следующей схеме: сначала мы сравним мнение мыслителей о текущем состоянии мира и науки, а затем — их научные проекты.

Ж.-Ф. Лиотар и легитимация научного знания

Одна из основных проблем, которой касается Лиотар, это проблема легитимации научного знания. Как получилось, что апелляция к научному знанию всегда обладает таким магическим эффектом? Стоит только произнести фразу «ученые доказали», и универсальный «сезам» открывает любые пещеры непритязательного разума. Мы можем представить себе и другую ситуацию, где пещера не будет открываться так просто. Мы будем бесконечно укреплять свою речь ссылками на ученых, известными фактами, достижениями науки, но это не будет убедительно для, например, каких-нибудь родноверов. Каким образом наука обретает свой статус? Что должно происходить для того, чтобы этот статус существовал и не распадался? Эти и многие другие вопросы ставит перед собой Лиотар.

Лиотар настолько глубоко проникся идеей языковых игр, что даже предложил брать языковые приемы за первичные, простейшие элементы действия. Языковые приемы берутся из представления о том, что языковая игра выстраивается по «агонистическому» принципу (Лиотар, 2015: 33), то есть уже заключают в себе принцип борьбы, противостояния. Более того, Лиотар разделяет высказывания на разные типы, что позволяет ему не вдаваться в смысл происходящего, а наблюдать только за формой, что, судя по всему, только играет на руку исследователю, так как такой подход может описать все что угодно в понятной терминологии. Лиотар рассматривает различные типы высказываний, но в анализе легитимации научного знания он концентрируется на том, какой тип высказываний избрала для себя наука.

Лиотар выделяет две общественные сферы: нарративную и научную. Нарративная сфера представляет собой сферу рассказа, где используются все типы языковых игр. В основном он концентрируется на сказках, историях, песнях. Все это можно описать как нарративы, которые транслируют границы нормы, да и вообще культуру целиком. Наука также выступает как нарратив, но принцип ее функционирования существенно отличается. Количество языковых игр и высказываний в ней редуцируется до одного. Наука стремится формировать только денотативные высказывания. «Научное знание требует выбора одной из языковых игр — денотативной, и исключения других. Критерии приемлемости высказывания — оценка его истинности. Конечно, мы встречаем здесь и другие классы высказываний: вопросительные (“Как объяснить, что...?”) и прескриптивные (“Предположим, дан исчислимый ряд элементов...”), но они здесь служат только для сочленения диалектической аргументации, и последняя должна завершиться денотативным высказыванием» (Лиотар, 2015: 66). Это означает, что наука стремится высказать истину, однако истинность или неистинность высказывания лежит в смысловом поле и определяется правилами того, как это делать. Таким образом, появляется парадигма, которая определяется Лиотаром как правила консенсуса. Научная сфера сама решает, что является истинным, а что нет, в связи этим появляются приемлемые и неприемлемые высказывания. «Аристотель, несомненно, один из самых современных мыслителей, когда отделяет описание правил, которым должны подчиняться высказывания (“Органон”), от исследования их легитимности в рассуждении о Бытии (“Метафизика”))» (Лиотар, 2015: 75). Лиотар видит Аристотеля как отрефлексиовавшего эти, казалось бы, новые идеи. Очевидно, что рано или поздно встанет вопрос о том, почему доказательство верно. Кто сказал, что эти выдуманные правила являются верными? И тут запускается новый способ аргументации —

апелляция к компетентным лицам, которые в совокупности являются носителями парадигмы. «Истинность высказывания и компетенция высказывающего зависит, таким образом, от одобрения коллектива равных по компетенции. Следовательно, нужно формировать равных» (Лиотар, 2015: 65). Если задуматься, чем апелляция к группе людей, а не к «верному» методу получения знания лучше, то окажется, что, в сущности, ничем. Интересно, что произойдет, когда такое понимание случится? Возможна ли вообще ситуация, когда наука полностью утерит свою легитимность?

Рассуждения Лиотара не предполагают «подлинно» денотативных высказываний, ведь истина или ложь высказывается в отношении к парадигме. Несмотря на то, что сам Лиотар об этом не говорит прямо, создается впечатление, что по гносеологическим предпосылкам Лиотар скорее является конструктивистом. Но насколько радикальным? С его точки зрения существуют разные высказывания, некоторые из которых подчиняются строгой регламентации, которая, в свою очередь, исторически меняется. Эта регламентация является парадигмой, а парадигма уже решает что истинно, а что нет. Лиотар акцентирует внимание читателя на том, что эти типы языковых игр находятся между собой в конфликте, так как они изначально не способны друг друга понять. Нарратив рассматривает науку как частный случай себя и не способен вникнуть в проблематику научного дискурсивного пространства. В свою очередь, научный дискурс задается вопросом об основаниях нарратива и склонен относить его к «другой ментальности: дикой, примитивной, недоразвитой, отсталой, отчужденной, основанной на мнении, обычаях, авторитете, предубеждениях, незнании, идеологии» (Лиотар, 2015: 70). Рассмотрим, каким образом существует научное знание в обществе.

Часто предполагается, что нарративное знание предельно упрощено. Можно предположить, что это связано с тем, что оно предназначено для массового пользования и должно быть максимально понятным. Воздержимся от таких суждений, ведь даже сам Лиотар не считает, что нарративное знание как-то ущемно в сравнении с научным. Ограничимся тем, что оно просто по-другому выстраивается. Как же быть науке? Основная идея Лиотара: наука вынуждена презентовать себя в качестве рассказа, так как единственная сфера, в которой она может фигурировать и обретать свою легитимность — сфера нарративного знания. Наука вынуждена презентовать себя как эпический рассказ, она должна постоянно трубить о своем достоинстве. Таким образом, наука обладает легитимностью не благодаря своим внутренним характеристикам (которые отличны от нарративных), а благодаря постоянной работе в нарративном пространстве.

После этих выводов Лиотар идет дальше и формулирует различные типы стратегий легитимации научного знания. С точки зрения Лиотара, на определенных исторических этапах были актуальны разные стратегии. Раньше, во времена философии и метафизики, было две стратегии легитимации — легитимация через метасубъект и легитимация через освобождение человека. Такие названия этих легитимирующих стратегий выбраны весьма условно. У самого Лиотара центральным элементом является человек, который выступает либо как герой познания (легитимация через метасубъект), либо как герой свободы (освобождение человека).

Под легитимацией через метасубъект понимается какой-то глобальный план, который движется к своему завершению. Будь то разум у Фихте, который в своей философии выделял пять исторических эпох, где разум приходит в точку отсчета, или будь то движение к абсолютному духу у Гегеля, где в конечном итоге снимается

парадокс. Наука способствует этому движению или является его выражением. Так как у науки такая великая функция, то она легитимна. Не думайте, что для того, чтобы работал такой тип легитимации, обязательно должен существовать какой-то конкретный субъект, который отвечает за движение истории. С точки зрения Лиотара, философия Маркса точно так же является легитимацией первого типа.

Второй тип легитимации очень похож на первый, но тут субъектом истории выступает не нечто трансцендентное, а сам человек. Человек теперь является центром легитимирующего нарратива и он — тот, кого нужно освободить. В таком рассказе наука легитимна потому, что она освобождает человека. Но от кого? Все зависит от фантазии. Классическим примером такого поворота события является франкфуртская школа, которая, с точки зрения Лиотара, взяла марксизм, но изменила истинную легитимирующую стратегию с первого типа на второй.

Теперь становится понятно, как работают эти типы легитимации, но нам кажется, что остается огромное количество вопросов, что позволяет охарактеризовать данные типы легитимации как весьма условные. Они существуют лишь в качестве аналитической модели, которая помогает хоть как-то внести определенность. При более глубоком рассмотрении легитимирующих теорий, оказывается, что весьма непросто провести границу между первым и вторым типом легитимации. Гегеля тоже можно отнести к критической теории, где свобода является ключевым элементом его философии, такая же ситуация и с Фихте, где в пятой эпохе, после того как разум придет в исходную точку, все будут также максимально свободными. Нам кажется, что это сложный вопрос, что в данных теориях первично — человек или дух/разум, познание или стремление к свободе? Как именно в различные эпохи сами люди осознавали свою роль?

На этом Лиотар не останавливается. Для современности характерна легитимация через эффективность (результативность). Результативность обычно весьма формальна и выражается в цифрах, графиках, в общем, в том, что, как считается, является коррелятом эффективности.

Таким образом, до современности мы выделили целых три стратегии легитимации.

Б. Латур и Новое время

Относительно новая книга Латура, которая недавно была издана на русском языке, называется «Нового времени не было». Здесь Латур несколько отходит от своей изначальной задачи — чисто методологической разработки теории. Он переходит к более глобальным вопросам существования общества и, как и Лиотар, рассуждает на тему существования общества и науки. Латур выстраивает рассуждения в других понятиях, для него существует наука о «человеках», и наука о «нечеловеках» — изначальное разделение на природу и общество. С чего же все началось? Ключевые персонажи этого рассказа — Т. Гоббс и Р. Бойль.

Гоббс и Бойль ратуют за короля, за парламент, желают единой и послушной церкви, оба механицисты и рационалисты, разница между ними заключается в том, что они по-разному смотрят на эксперимент, а также имеют разные представления о реализации политического права. Эти мыслители находились в состоянии ожесточенного спора, который имел весьма сложную структуру. Рассмотрим подробнее.

Бойль, по сути, формировал образ современных лабораторий, где люди заставляют вещи говорить, помещая их в определенные условия. Эти условия очень трудно повторить, в том числе и потому, что они дорогостоящие, но Бойль утверждает, что эти феномены репрезентируют природу такой, какая она есть. Свидетелей мало, но говорят не эти свидетели, говорит сама природа. В свою очередь Гоббс формулирует законы функционирования общества через общественный договор: люди сами творят Левиафана, делегируя свои полномочия одному человеку, тем самым реализуя свою свободу. Гоббс всячески стремится избавиться от любой трансценденции, он считает, что это грозит распадом рационального порядка. Потому он пишет огромные труды, трактуя Библию, выступает против лабораторий, которые отказываются подчиняться политическому дискурсу. Лаборатории для Гоббса — это новая сфера трансценденции, которую необходимо устранить. Для Гоббса достоверно рациональное объяснение фактов, которые должны быть включены в политический дискурс, а политика должна быть также предельно рациональной — можно сказать, что государством должен править суперкомпьютер, переводя на наш язык. Бойль придерживается другого метода и вводит «параюридическую» (Латур, 2006: 79) метафору, где избранные мужи могут засвидетельствовать поведение вещей, где только они могут прочесть и перевести ее речь на наш язык. В конечном итоге Латур выворачивает ситуацию таким образом, что и Гоббс, и Бойль работают на одну цель — отделение науки от политики.

Может возникнуть определенная нестыковка в логике Латура. С Бойлем все понятно, наука не может существовать, подчиняясь политическому дискурсу, так как этому дискурсу не подчиняется и сама природа. В лаборатории Бойль заставляет ее говорить, не задаваясь вопросами о причинах тех или иных лабораторных событий. Появляются факты, которые можно как-то объяснить. Таким образом, Бойль работает на отделение науки от общества. Но ведь для Гоббса это немислимо! Он является сторонником математических методов, а не «юридических». Для Гоббса сам метод получения знания неверен. С точки зрения Гоббса, государство должно быть единым и все сферы общества должны подчиняться политическому дискурсу. Так каким же образом Гоббс работает на отделение общества от науки? Латур пишет: «Бойль создает политический дискурс, из которого политика должна быть исключена, в то время как Гоббс воображает себе политику науки, из которой должна быть исключена экспериментальная наука» (Латур, 2006: 92). Таким образом, они изобретают мир, в котором граждане репрезентируют себя посредством общественного договора, а факты репрезентируют себя посредством лабораторий. «Две ветви власти, которые Бойль и Гоббс разрабатывают каждый со своей стороны, обладают мощью только в том случае, если они четко отделены друг от друга: Государство Гоббса бессильно без науки и технологии, но Гоббс говорит только о репрезентации граждан; наука Бойля бессильна без четкого разграничения религиозных, политических и научных сфер, и поэтому он прилагает столько усилий, чтобы противостоять монизму Гоббса» (Латур, 2006: 92). Таким образом, оказалось, что Гоббс неосознанно содействовал Бойлю, хотя и желал монизма и власти политического дискурса. В итоге мы получили «нововременный мир», которого никогда не было. Но почему его не было?

Нововременная конституция глубоко парадоксальна. И природа, и общество в этой конституции носят противоречивый характер. С одной стороны, общество — это то, что существует помимо воли людей, оно нас превосходит, с другой — общество

конструируется нами. С одной стороны, природа есть то, что мы конструируем в лаборатории, с другой — она не есть наша конструкция. Таким образом, рождаются гарантии: «Первая гарантия: хотя мы и конструируем природу, она существует так, как если бы мы ее не конструировали. Вторая гарантия: хотя мы не конструируем общество, оно существует так, как если бы мы его конструировали. Третья гарантия: природа и общество должны оставаться различными: работа очищения должна оставаться абсолютно отъединенной от работы медиации» (Латур, 2006: 97). Существует еще одна гарантия, связанная с урегулированием вопроса о Боге. Точно так же, как были удвоены вопросы о природе и обществе, был удвоен вопрос о Боге. Теперь Бог одновременно и трансцендентен, и имманентен. Такая конституция «позволяет делать все что угодно, без всякого ограничения» (Латур, 2006: 98).

Эта конституция способна творить чудеса, а именно пускать те или иные части парадоксальных элементов в ход, в зависимости от ситуации. Например, последователи Гоббса и Бойля одновременно проводили специальную работу по тому, чтобы освободить мир от божественного вмешательства. Они делали Бога трансцендентным, с одной стороны, «освобождая природу от божественного присутствия», а с другой стороны, «лишая общество божественного происхождения» (Латур, 2006: 98). Вместе с тем нельзя было полностью убрать Бога. В игре-борьбе между природой и обществом необходим был третий элемент, который смог бы решить возможный конфликт. Бог оказался одновременно и трансцендентным, и имманентным, теперь нововременной человек мог быть атеистом, но при этом верующим в те моменты, когда это удобно. Такая скользкая конституция обладает мощнейшим критическим потенциалом, но ее никак нельзя критиковать. Как пишет Латур: «Такова тройная трансцендентность и тройная имманентность в этой крестообразной схеме, блокирующей все остальные возможности. Мы не создали природу; мы создаем общество; мы не создали ни то ни другое, Бог все создал; Бог ничего не создал, мы все создали... Две первые позволяют чередовать источники, переходя от чистой природы к чисто политической силе, и наоборот. Третья гарантия запрещает любые контаминации того, что принадлежит природе, и того, что принадлежит политике, хотя даже первые две гарантии позволяют быстро чередовать и то и другое» (Латур, 2006: 100). Таким образом, нововременная конституция оказывается неуязвима для критики. «Если вы начнете их критиковать, заявляя, что природа — это мир, который сконструирован человеческими руками, они вам покажут, что природа трансцендентна, и что они к ней не имеют отношения. Если вы скажете, что общество трансцендентно и что его законы бесконечно нас превосходят, они ответят, что мы свободны, и что наша судьба находится только в наших собственных руках. Если вы возразите им, что они обнаруживают свою двуличность, нововременные на это скажут, что они никогда не смешивают законы природы и неотъемлемое право человека на свободу» (Латур, 2006: 104). Помимо того, что такая конституция почти неуязвима для критики, сама она обладает невероятным критическим потенциалом, проделывая точно такой же трюк. В зависимости от ситуации выбирается какая-либо часть вышеобозначенной парадоксальной структуры и применяется в качестве критики. Материальные причины и человеческие фантазии были навсегда отделены друг от друга. Теперь все, что угодно можно назвать вымыслом или фактом, но право на это есть только у нововременных. Нового времени не было по той простой причине, что никто никогда не жил по нововременной

конституции. Разделение мира на людей и вещи всегда было лживым и требовало специальной работы.

Судьбы науки

Лиотар отметил, что мир разделен на нарративную сферу и научную, где наука «получает истину». Латур описал нововременной мир, который разделен на людей и вещи, которые в зависимости от ситуации наделяются каким-либо качеством. И в первой, и во второй ситуации мы имеем двойной мир. Рассмотрим позицию ученых о судьбах науки и «двойного» мира.

Как уже было сказано, наука легитимирует себя различными способами. Сейчас мы имеем легитимацию через эффективность (результативность), но что нас ждет далее? Лиотар говорит о легитимации через паралогию. Такой тип легитимации предполагает поиск нестабильности, который будет функционировать за счет включения другого в познавательный процесс. Иными словами, наука будет иметь совсем другую структуру. Ученые больше не будут затворниками, не будут исследовать никому не нужные проблемы, а в конечном итоге выдавать результаты как истину, которую невозможно проверить. Ученые будут включать в исследовательский процесс «другого» на этапе постановки проблемы. Нарративная и научная сфера соединятся. Включение другого будет постоянно открывать новую точку зрения на объект исследования. Возможно, сама легитимация себя исчерпает, ведь легитимация может существовать только тогда, когда есть сфера, где эта легитимация должна существовать. Нет разделения на научное и нарративное знание, нет легитимации как таковой. Такой способ функционирования науки имеет определенное преимущество перед обычным научным проектом. Классическая, известная нам форма науки не обращается к пересмотру своих оснований, а следовательно, эти основания можно исчерпать. Иными словами, исходная энергия проекта конечна. В легитимации через паралогию наука будет постоянно пересматривать основания своего существования, так как она изначально нацелена на поиск нестабильности через включение другого. Пересматривая свои основания, наука становится неисчерпаемой, она будет производить новые идеи как безумная эвристическая машина, что от нее, по-видимому, и требуется.

В свою очередь Латур пересматривает современное состояние науки и предлагает принципы симметрии. Он считает, что необходимо упразднить нововременную двуликость и перестать рассматривать явления предвзято. Предвзятость заключается в том, что нововременной исследователь изначально избирает для себя удобный способ представления объекта, как порождения человек или нечеловек, где истинное объясняется как природное, а ложное — как порождение общества. С точки зрения Латура, необходимо поставить все на одну доску, а также заняться исследованием своих собственных оснований. Латур рассматривает принцип симметрии, который предложил Д. Блур. Первый принцип симметрии заключается в том, что исследователь должен рассматривать все явления как порождение общества, а также и самого себя. Такой подход не удовлетворяет Латура, так как в данной ситуации смещение происходит в сторону субъекта и общества, что не является подлинной симметрией. Он предлагает то, что М. Каллон назвал принципом генерализованной

симметрии. «Антрополог должен расположиться в срединной точке, откуда он может наблюдать за распределением как нечеловеческих, так и человеческих свойств» (Латур, 2006: 169). Такую позицию невозможно занять нововременному человеку, потому как эта позиция находится в слепой зоне, ее как бы не существует. Теперь это место «уже не является немислимым, а оказывается территорией всех осуществляемых эмпирических исследований сетей» (Латур, 2006: 170). Также, Латур предлагает отказаться от искомого разделения на западных людей и всех остальных, потому что в конечном итоге западный человек как раз таки и хорош тем, что может правильно отделить человека от нечеловека. Эти принципы симметрии, которые предлагает Латур, являются методологической основой новой науки, а также выходом из Нового времени, которого не существовало.

В конечном итоге, можно увидеть, что Латур и Лиотар используют примерно один и тот же интеллектуальный прием. Оба мыслителя рассматривают современный мир как нечто двойное, а потом предлагают это двойное снять, что, в конце концов, должно привести к определенным переменам в структуре науки и общества. Конечно, они говорят о разных вещах. Латур говорит не о том, что наука должна слиться с обществом, а о том, что разделение на людей и вещи должно исчезнуть и научный язык должен использовать один и тот же понятийный аппарат для описания первого и второго. Лиотар предлагает, по большому счету, соединить сферу нарратива и науки, у него и речи нет о человеках и нечеловеках. Несмотря на различия, которые были описаны выше, эти мыслители очень похожи. Первичная интуиция двойного мира хоть и двойного по-разному, а также желание снять его является очень важным сходством, которое нельзя игнорировать.

Можно ли использовать идеи данных мыслителей для обогащения друг друга? Иными словами, что из Латура мы можем добавить к Лиотару и наоборот? Мы думаем, что ничего. В конце концов, оказалось, что данные мыслители настолько самодостаточны, что их идеи практически невозможно использовать друг для друга.

Литература

Латур Б. Нового времени не было // Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006. [Latour B. Novogo vremeni ne bylo // Esse po simmetrichnoy antropologii. SPb., 2006].

Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества: пер. с англ. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2013 [Latour B. Nauka v dejstvii: sleduya za ucheny'mi i inzhenerami vnutri obshhestva: per. s angl. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v SPb., 2013].

Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «наукovedения» в социальные науки // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1 [Latour B. Kogda veshhi dayut otpor: vozmozhny'j vklad «naukovedeniya» v social'ny'e nauki // Sociologicheskoe obozrenie. 2001. T. 1. № 1].

Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ad marginem. 1994 [Lyotard J. F. Otvet na vopros: chto takoe postmodern? // Ad marginem. 1994].

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алтейя, 2015. 160 с. (Gallincium) [*Lyotard J. F. Sostoyanie postmoderna / per. s fr. N. A. Shmatko. SPb.: Alteja, 2015. 160 s. (Gallincium)*].

Comparative analysis of scientific projects of B. Latour and J.-F. Lyotard

BOGDAN V. FAUL

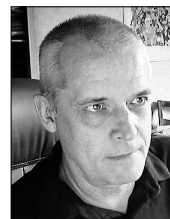
Master's program student,
Faculty of Sociology,
St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia;
e-mail: faulbogdan@fmail.com

In this article the author makes a comparative analysis of research projects of such famous thinkers as B. Latour and J. F. Lyotard. In this article, authors compared in relation to the current state of science, and in relation to its future fate. Moreover, the author indirectly affect the state and the fate of society.

Keywords: Narrative, web, society, modern, scientific project, generalized symmetry, paralogy, post-modern.

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ

ассистент факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: vitg2@mail.ru

Изменение доверия к науке у студентов научных специальностей

Основываясь на теории интеллектуального развития У. Перри, мы предположили, что укрепление релятивистских представлений по мере получения образования в вузе будет приводить к снижению уровня доверия к научной специальности, по которой обучается студент. Исследование проверяло это предположение, а также серию «наивных» объяснений студентов о возможных причинах снижения доверия. Исследование подтвердило, что обучение в вузе влияет на уровень доверия, но не в силу «интеллектуального развития», а под влиянием восприятия качества учебного плана. Другими факторами являются карьерные устремления студента, его оценка готовности к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: научное образование, доверие к науке, интеллектуальное развитие в вузе.

Одно из наших исследований показало, что студенты старших курсов факультета социологии СПбГУ более скептически относятся к социологии и ее результатам, чем студенты младших курсов. Чтобы подтвердить это наблюдение, мы провели